

Алексей Иванович Кондратенко родился в 1964 году в Воронеже. Окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета. Доктор филологических наук. Главный редактор альманаха «Орел литературный». Публиковался в журналах «Сельская молодежь», «Безжин луг», «Час России», «Десна», «Роман-журнал XXI век», «Подъём». Автор 15 книг исторической прозы и краеведения. Председатель правления Орловской региональной организации Союза писателей России. Живет в Орле.

Алексей Кондратенко

ТРИ ЭТЮДА О ПОЭТАХ ВОЕННОЙ ПОРЫ

(К 80-летию битвы на Курской дуге)

ВАЛЕНТИН ШУЛЬЧЕВ

Он родился в 1914 году в селе Староюрьево на Тамбовщине в семье сельского учителя. Окончил педагогический техникум, работал учителем. С детских лет писал стихи, «печатал» их в стенгазетах и рукописных сборниках. Первые серьезные публикации состоялись в 1931 году — сначала в районной печати, затем в журналах «Комбайн», «Красноармеец и краснофлотец», в «Подъёме». В 1934 году был делегатом первой конференции писателей Воронежской области. Его стихи оказались необыкновенно востребованы в печати тех лет: имя Валентина Шульчева мы встречаем в альманахе «Литературный Воронеж», в поэтическом сборнике «Дружба» (Воронеж, 1940), в московских журналах «Красная новь», «Молодая гвардия», «Молодой колхозник», «Колхозная новь».

В 1939 году Шульчев заочно окончил Воронежский педагогический институт с отличием, был рекомендован в аспирантуру на кафедре литературы. В ноябре 1939 года молодого учителя призвали в Красную Армию. Войну он встретил на границе, но и в грозные дни 1941 года не забывал о стихах. Его фронтовые вирши, сатирические произведения печатались в дивизионной и армейской газетах, в газете Южного фронта «Во славу Родины!».

Летом 1942 года в боях под Харьковом Валентин Шульчев был ранен и попал в плен. Несколько раз бежал, был приговорен к расстрелу, снова бежал из концлагеря, пешком добрался до пределов Курской области. Так «окруженец» Шульчев стал бойцом Дмитровской партизанской бригады.

Ветеран партизанского отряда Валентин Баранчиков вспоминал: «Мы, тогдашние собратья Валентина по оружию, лесные воины, горячо любили худощавого, всегда чисто выбритого младшего лейтенанта Шульчева за его неустрашимость в боях, за песенную душу, веселый характер».

А вот что рассказывал о Шульчеве другой ветеран — И.С. Макаров: «Партизаны были в восхищении от него. Его стихи распространялись по партизанским селам Орловщины и Курщины, ребяташки на улице громко их декламировали. В боевом листке появились его частушки и пословицы. Мы заучивали их. Поймав полиция, ребята часто “сопровождали” его стихами:

Полицай и староста,
Под конвой, пожалуйста!
Будет тебе туго,
Немецкая прислуга!».

Часто в минуту отдыха звучали в партизанском кругу задорные частушки Шульчева:

Партизанская работа —
Немцам горе да забота:
Что ни день, то под откос
Свален новый паровоз.

Псы фашистские бегут,
Вшивые, голодные.
По фашистам с тыла бьют
Мстители народные.

В 1942 году во время боев под Дмитровском Валентин Шульчев написал «Песню орловских партизан»:

Немецкими танками смяты посевы.
Свинцовая хлещет пурга.
Но грозное пламя народного гнева
Бушует в тылу у врага.

Мсти врагу беспощадно и смело!
Мать Отчизна, мы слышим твой зов!
В бой выходят за правое дело
Партизаны орловских лесов.

Враг злобствует в бешеном страхе и дрожи,
Но Родина нам дорога.
Ряды партизанские ширя и множа,
Народ наш встает на врага.

На воздух мосты, эшелоны и склады!
Берись за топор и за нож!
Свинцом и гранатой, штыком и прикладом
Фашистских собак уничтожь!

Крылатые строки печатались в партизанских газетах, ходили с народными мстителями в разведку и на подрыв эшелонов врага. Поэт всегда носил в сумке с боеприпасами толстую тетрадь в синей коленкоровой обложке. Она была вся заполнена стихами. Его мечтой было написать поэму «Орловщина» — над ней работал в последние месяцы своей жизни.

В тылу врага мы бьемся непреклонно,
Повсюду наши зоркие посты.
Взлетают к небу вражьи эшелоны,
Пылают склады, рушатся мосты.
За нашу кровь, за слезы и за раны
Мы вражьей своре предъявили счет.
Смелее в бой, лихие партизаны,
За Родину, за партию — вперед!
...Разведка наша в Курске, и Касторной,
Друзья у нас и в Брянске, и в Орле.
Кровавым гадам нет у нас пощады,
Берутся села за топор и нож.
Штыком, гранатой, пулей и прикладом
Врага найди, свали и уничтожь!

Шульчев составил сборник «Партизанские пословицы»: «Лес да поляна — жилище партизана», «Партизан работал чисто — прямо в гроб загнал фашиста», «Где сугроб — там ему и гроб». Говорил друзьям: «Сколько прекрасных людей, сколько подвигов, что ни день, то тема для целой поэмы и повести, — жаль, времени писать нет. Война, тревожное время... Знаете, у меня двое ребят. Любил я с ними играть. Я очень люблю детей. Поэтому я и стал педагогом. Кончится война, буду в школе преподавать литературу и — писать, писать...».

Шульчев погиб в феврале 1943 года у поселка Ивановское (десять километров юго-восточнее Дмитровска), когда оттуда выбивали фашистов. Партизаны получили приказ выйти на соединение с передовыми частями Красной Армии — два батальона красноармейцев из последних сил бились с немцами, им срочно нужна была подмога. Бой длился несколько часов, не раз переходил в рукопашную схватку. Его товарища ранило, и Валентин пополз на помощь. Разрывная пуля попала ему в живот. А к вечеру поселок был освобожден, партизанский отряд пробился к советским войскам.

Вместе с поэтом-партизаном была заветная тетрадь. В ней такие строки:

Может быть, и мне придется круто.
Повстречавший смертную беду,
Как свою последнюю минуту
Я в бою последнем проведу?
Труден будет этот час суровый.
Но, с врагом сойдясь лицом к лицу,
Вспомню я Егора Гайдукова
И умру, как следует бойцу.
Только жить и жить нам, побеждая,
Сил и песен звонких не тая.
Сторона родимая лесная!
Партизанские края!

Егор Гайдуков — герой стихотворения Шульчева «Мужество», партизан, пустивший под откос четыре вражеских эшелона. Вместе с ним на боевые задания ходил и поэт:

...Я опять припомню и увижу
Сталь ружья, зажатую в руке.
И едва поскрипывают лыжи,
И мерцают рельсы вдалеке.
Провода, гудящие при ветре,
Крыши будок — как ребро ножа.
Там стоят на каждом километре
Патрули, посты и сторожа.

Только — что они для партизана!
Скрытый ночью, мутной, словно дым,
Он придет, негаданный, неожиданный,
И опять уйдет, неуловим.
И они уходят. И за ними
Загремит и рухнет под уклон
В тяжком лязге, в пламени и дыме
Шедший к фронту вражий эшелон...
Слава вам, прямым и непреклонным!
Снова тропы падают в туман.
За каким по счету эшелоном
Ты идешь бесстрашный партизан?

Валентина Шульчева похоронили с воинскими почестями в Дмитровске. Тетрадь его стихов какое-то время хранил комиссар отряда Федор Рудых. Он читал их в кругу бойцов, кто-то переписывал строки своего товарища в заветные тетрадки. Обстоятельства военного времени были таковы, что многие стихи Шульчева не сохранились — это судьба и отдельных стихотворений, и набросков поэмы «Орловщина». Не только люди, но и искренние строки погибали на войне, как безымянные герои...

В 1950-е годы родные и друзья Валентина Шульчева многое сделали для увековечения его памяти, буквально по строфе были собраны его произведения. Очерки о поэте, подборки стихов были опубликованы в местных газетах, журнале «Подъём», изданы в Воронеже в 1960 году отдельной книгой под названием «Жить, побеждая!..» Позднее подборки были помещены в сборниках «Курские народные песни» (Курск, 1962) и «Слово бойца: стихи поэтов-фронтовиков» (Воронеж, 1985).

Есть раздел, посвященный Шульчеву, в составленной Сергеем Наровчатовым антологии «Имена на поверке: стихи воинов, павших на фронтах Великой Отечественной войны» (Москва, 1963; Мурманск, 1966). Стихи вошли в альманах «День поэзии» (Москва, 1960).

Помнят о поэте-земляке и в родном Тамбове — в 2010 году его сборник вышел в серии «Литературные родники Тамбовского края», строки Шульчева можно найти в антологии «Капля крови: стихи о войне, о мужестве и долге» (1995), в хрестоматии «Литературное краеведение» (2006).

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ

Евгений Долматовский родился в Москве в 1915 году в семье адвоката. Рано начал писать стихи, учился в педагогическом техникуме, больше двух лет работал на строительстве метро (много позже он напишет об этом поэму, ставшую основой художественного фильма «Добровольцы»). И в это же время учился в Литературном институте. Диплом получил в 1937 году, тогда же его приняли в Союз писателей СССР.

Еще до Великой Отечественной войны был известен и как поэт (поэма «Феликс Дзержинский» и сборник «Дальневосточные стихи»), и как военный корреспондент (освободительный поход на Западную Белоруссию, финская война), и как автор песен («Любимый город» в фильме «Истребители», «Все стало вокруг голубым и зеленым» в «Сердцах четырех», а еще «Ты ждешь, Лизавета, от друга привета», «Я уходил тогда в поход, в далекие края...»).

С началом Великой Отечественной войны — снова фронтовой корреспондент, в редакции газеты «Красная Армия». В августе 1941-го попал в «Уманский котел» на Украине, там тогда оказались две армии Юго-Западного фронта. Раненого в голову и руку Долматовского взяли в плен. Он бежал, но снова был схвачен, снова бежал из лагеря...

А в Москве Долматовского посетили погипсими. Константин Симонов посвятил памяти друга стихотворение «Мы не увидимся с тобой...» И только мать не поверила в смерть сына, не пошла на поминки...

Долматовский упрямо и скрытно шел на восток — в дырявой лодчонке с сельскими пацанами кое-как переправился через Днепр, а пробирался лесами, партизанскими тропами. Повезло проскочить через линию фронта. И вот в ноябре 1941 года он оказался в Воронеже, в редакции своей газеты. В том самом Воронеже, где всего полгода назад они с Симоновым выступали с чтением стихов в местных вузах и филармонии, где все дышало тогда весной и мирным ладом...

Сотрудник газеты Борис Палийчук вспоминал: «Глубокой осенью 1941 года в музыкальное училище, где располагалась наша редакция, пришел бородастый, вырвавшийся из фашистского лагеря смерти Евгений Долматовский. С присущей ему энергией сразу же включился в работу. Вместе с композитором Марком Фрадкиным написал песню о Днепре. Песня была напечатана в газете и подхвачена буквально всем фронтом. Никогда не забуду, с каким воодушевлением исполнил эту песню фронтовой ансамбль в нетопленном, холодном воронежском цирке. Помещение было переполнено. Большинство — раненые в повязках, на костылях. По суровым солдатским лицам струились слезы...»

А матери Евгений написал тогда: «Я должен пройти весь путь обратно, но уже в составе наступающей армии. Твой неистребимый сын».

Весть о его спасении воскрешала надежду в душах тех, кто получил извещение о пропавших без вести сыновьях, мужьях, братьях. Поэтической строкой он рассказывал о военных событиях тех дней под Воронежем, под Курском — свидетельством чему стихотворение «В городе Тим», напечатанное в «Комсомольской правде» 31 декабря 1941 года...

Его фронтовой путь — это путь великих сражений. Долматовский был под Сталинградом. После победного финала в этой грандиозной битве войска перебрасывали ближе к Орлу и Курску. Семь суток эшелон, в котором ехали Долматовский и Фрадкин, был в пути, и на всех станциях Фрадкин наигрывал перед бойцами складывавшуюся новую песню на стихи Долматовского.

Итоговое звучание она обрела в конечной точке того путешествия весны 1943 года — в Ельце. Это был «Офицерский вальс». А вскоре слово «офицерский» в названии было заменено на «случайный» — ведь песня была еще и солдатской, да и вообще скоро стала поистине народной, одной из любимых лирических песен военной поры.

Ночь коротка,
Спят облака...
Я совсем танцевать разучился
И прошу вас, меня извинить.
Утро зовет
Снова в поход...
Покидая ваш маленький город
Я пройду мимо ваших ворот.

Во время битвы на Курской дуге Долматовский был в Понырях и Малоархангельске. Он посвятил стихи воинам-героям, стоявшим здесь насмерть. Это стихотворение «Сирень», поэма «Поныри», песня «О Понырях» (композитор Матвей Блантер).

Вот несколько строф из поэмы «Поныри»:

Есть между Курском и Орлом
Вокзал и станция одна —
В далеком времени былом
Здесь проживала тишина.

Лишь временами гром и дым
Врывались весело в вокзал:
Зеленый поезд, шедший в Крым,
Здесь воду пил и уголь брал.
Здесь разливали молоко,
Кур покупали впопыхах.
Свисток. И поезд далеко,
В полях, во ржи и васильках.
Я снова в памяти найду
Полоску розовой зари
И эту станцию в саду,
С названьем странным — Поныри.

Просто и бесхитростно, но поэтически зримо и правдиво, как в лермонтовском «Бородине», показал Долматовский бои на этом направлении.

И снова лезут. И опять
На танке танк, на трупе труп,
И надо биться, жить, стрелять,
Стирая пену с черных губ.
Гревели в долах и лесах
Бои с зари и до зари.
Орел и Курск — как на весах,
А посредине — Поныри.

Хрестоматийно известным стало стихотворение Долматовского «Курская дуга»:

В тургеневских охотничьих местах
Воронки, груды мертвого металла.
Здесь за день до двенадцати атак
Отчаянная рота отбивала.
А как бомбили нас! Не говори —
Такого в Сталинграде не видали.
Всю ночь качались в небе фонари,
Кровавым светом озаряя дали,
С рассветом «тигры» шли на нас опять
И вспыхивали дымными столбами,
И приникали мы, устав стрелять,
К горячей фляге пыльными губами.
А все же удержали рубежи,
В июльской битве оправдав надежды.
Окопы на полях примятой ржи
Проходят там, где проходили прежде.
И на скелете пушки «фердинанд»,
Прорвавшейся на русские пригорки,
Фотографируется лейтенант,
А над пилоткой нимбом — дым махорки.

В освобожденных городах он записывал песни, которые пели люди в фашистской неволе (собрал более 300 таких текстов!). И уверенно заявлял на писательском пленуме в Москве: «Немцы захватили огромную часть нашей территории. Но нашу культуру, нашу литературу, нашу поэзию — буквально ни на одно слово они не сумели захватить».

Когда войска вошли в Гомель, в газете «Красная Армия» появилось еще одно его стихотворение — «Улицы-дороги», которому суждено было стать широко известной песней. Тогда Долматовский подметил приметку: окраинная улица города, по которой проходили наступающие войска, обязательно указывала путь к

следующему городу. В Орле — Брянская улица (на самом деле, конечно, это была улица Карачевская), в Брянске — Гомельская, в Гомеле — Минская...

С боем взяли мы Орел, город весь прошли,
И последней улицы название прочли,
А название такое, право, слово боевое:
Брянская улица по городу идет —
Значит, нам туда дорога,
Значит, нам туда дорога
Брянская улица на запад нас ведет...

Марк Фрадкин написал задорную музыку, и песня зазвучала по радио в исполнении Леонида Утесова. Знаменитый эстрадный певец вспоминал потом: «Одна беда — песня скоро начала стареть. Ведь кончалась она призывом: «Вперед, на Минск!» А в июле 1944 года столица Советской Белоруссии была уже освобождена. Советские воины шли дальше на запад, и я стал прибавлять названия новых городов, взятых нашими войсками: Брест, Львов, Люблин, Варшаву и так далее, заканчивая словами «На Берлин!».

В послевоенные годы Долматовский написал еще много замечательных песен («За фабричной заставой», «Родина слышит», «Комсомольцы-добровольцы», «Если бы парни всей земли»). Уже в 1970-е годы издал документальную книгу «Зеленая брама» — об одном из первых сражений Великой Отечественной войны, о поражении, окружении, плене, о том, через какие испытания довелось пройти защитникам Родины. Страницы этой книги особенно внимательно читали тогда те, кто все еще искал пропавших без вести в 1941 году солдат, — вдруг мелькнет родная фамилия?

Вышли из печати и двухтомник воспоминаний Долматовского «Было» («Записки поэта»), его рассказы, очерки. Несмотря на самую широкую известность, популярность, сам он вполне отдавал себе отчет в том, что современное общество постепенно утрачивает интерес (словно это была какая-то мода) к военной теме. В одном из последних стихотворений сетовал (приведу только две выдержки):

Все старался успеть, все боялся проспать.
В час ложился и ставил будильник на пять...
А сегодня пришел то ли сын, то ли внук,
Кандидат неизвестных каких-то наук,
И с ухмылкой глядит на меня, говоря,
Что спешил я напрасно, что все это зря.

Поэт умер в 1994 году. Его стихи и проза со временем стали сродни историческим документам. А песни ныне звучат и в праздники, и в будни — голоса и мелодии великой эпохи...

ЕЛЕНА БЛАГИНИНА

Елена Благинина (1903–1989) родилась в Орловской губернии, первые шаги в поэзию делала в Курске, училась и работала в Москве. К началу Великой Отечественной войны она была уже признанным детским поэтом. Ее фамилия в документах Союза писателей СССР значилась тогда в одном ряду с именами Маршак, Чуковский, Кассиль. Однако в силу ряда обстоятельств в первый период войны Благинина не была заметной фигурой литературной и общественной жизни страны. В октябре 1941 — августе 1942 года была в эвакуации в Красноуфимске (ныне Свердловская область), работала в местной районной газете «Ленинский путь».

Это было время тяжелых испытаний. В рядах Красной Армии сражались муж Благинины Георгий Оболдуев и три ее брата: Александр, Дмитрий, Михаил (двое

из них погибли). В эвакуации умер отец Александр Александрович. Пережила неустроенность, холод, голод — все тяготы чужбины. Возможно, именно эти воспоминания позже воплотились в строки стихотворения «Хлеб»:

На свете я видела хлеба немало —
Крестьянка его из печи вынимала
И клала на стол, осеняя крестом,
И он отдыхал, накрытый холстом,
В горнице пахло сильно и сладко,
Хлеб грозным казался, как имя отца,
За трапезой ели его без остатка —
Ни корки, ни крошки, ломоть — до конца.

На свете я видела хлеба немного.
Его отмеряли так скудно, так строго.
Его запивали крутым кипятком,
Его называли не хлебом — пайком.

С солодкой, с мякиной, с трухой, со жмыхами,
Он все же казался желанней всего!
И матери тайно и тяжело вздыхали,
Когда на частицы делили его.

Война, горький хлеб, горькие стихи — это все было не временным, не проходящим. Все это определяло и определило отношение поэта к жизни и людям на все оставшиеся годы.

В январе 1942 года Благинина написала несколько писем в Союз писателей СССР, где сообщила о своей работе в радиокомитете в Свердловске, о выходе в свет книги в Кирове и о желании вернуться в Москву. Но тогда ей ответили отказом. Спустя более чем полгода разрешение было получено, и в сентябре 1942 года Благинина была уже в столице.

В Москве она узнала об освобождении Орла, вместе с залпами первого салюта родилось желание поехать в город детства, «прикоснуться к родным ранам». 10 августа 1943 года Благинина участвовала в заседании президиума ССП СССР, которое вел А.А. Фадеев. Президиум постановил: направить группы писателей (2–3 человека) сроком на два-три месяца для работы по восстановлению литературных организаций в те областные и республиканские центры, где невозможно сделать это в кратчайший срок местными силами.

Однако до воплощения идеи в жизнь прошло какое-то время. И дело было даже не в восстановлении дорог, в необходимости создания хотя бы элементарных условий для жизни в освобожденных городах. Одной из причин отсрочки было отсутствие у Союза писателей необходимых средств для организации командировки.

И вот в ноябре Благинина выехала в Орел. В записной книжке она сохранила первые впечатления (путь с вокзала) от встречи с городом детства и юности:

«Взошла луна, идти стало легче. Ноябрьский ветер дул в спину. Рюкзак оттягивал плечи, ноги заплетались, коченели руки.

Родная Московская развернулась предо мной, и я испугалась и опечалилась: чем дальше, тем выше становились дома, тем ужаснее зияли разрушения. Из сквозных корпусов, из пустых оконниц лился холодный мрак, жалобно билось, стелая, оторванное железо; безлюдье и холод делали еще страшнее эту картину разора.

Неужели это тот самый город, в котором жили мои родители и родители моих родителей? Неужели тут справлялись мирные и скромные пиры, вершились семейные советы, переживались трагедии? Неужели в этом самом городе мы сидели в малиннике, надевали по праздникам кисейные платья, ели теплые ситники...

Где луга, залитые иван-чаем, мирные ивы над прудами, скромные яблоки в вешнем цвету, поля, колеи, кладбища и тропы?

Где горенка, в которой бабуся Юлечка чихала от понюшки, хлопоча над стиральной, а дед сидел в своем “кабинете” и (так нам казалось) стерег волшебную укладку с леденцами и мятными жамками?

Где плотины, овраги, заросшие гигантскими зонтами лопухов, сады в жасминах и соловьином пенье, девки в пахучих ситцах, пастушья свирель на заре, ладные песни, присказки и прибаутки?

Всю память, всю свежесть, всю радость отшибло фашистской бомбой, и осталось лишь ветер, рвущий железо с изуродованных крыш».

Тогда родилось стихотворение «Орел сорок третьего»:

Выпало звено, и цепь распалась —
Нет ключа от города Орла...
Я ж еще в пруду не поплескалась,
Я ж еще в саду не побывала!

Яблочка отведать не успела,
Не доела теплого ломтя,
Материнской песни не допела,
Не сумела уберечь дитя!

Я ж еще с родными не простилась,
Милого звала — не дозвалась...
Утренней звездой не засветилась
И вечернею не пролилась.

Стихотворение было посвящено погибшему на фронте брату и его ровесникам-землякам:

Спят орлы в сырой земле орловской,
Воротившие бездомным кров, —
Новиков, Благинин и Шабловский,
Заломенков, Бухвостов, Петров...

Горестные впечатления от встречи Елены Благиной с городом — и в стихотворении «Лестница, которая никуда не ведет»:

Что может быть грустней предмета,
Который вовсе ни к чему?..
Вот лестница большая эта
В моем разрушенном дому.

Она не тронута разрывом
И даже не повреждена —
Движеньем легким и красивым
Вперед и вверх устремлена.

Один, и два, и три пролета,
И я стою, почти без сил,
Как будто очень страшный кто-то
Мой быстрый бег остановил.

Поэт стремилась сделать для читателей явственным, осязаемым состояние разрушенного города. И делала это не через показ настроения его обитателей, а демонстрацией предметного ряда, неким одушевлением вещей, как, например, в стихотворении «Одинокие печки»:

Ни крыши, ни стен, ни крылечек,
Ни даже деревьев в саду!
Лишь кафельных несколько печек
На лютотом стоит холоду.

Им стыдно. Они присмирели.
Им очень, видать, тяжело...

Сети наши горницы грели,
Дрова в их утробе горели
И нам отдавали тепло.

Шок от первой встречи с городом постепенно проходил. У Благиной и приехавших с ней коллег-писателей состоялись встречи с железнодорожниками, бойцами, учителями, партийными работниками. Стала видна панорама возрождения Орла. Об этих днях Благина потом писала: «Я воочию видела, как подымался народ-великан, как самоотверженно и стойко трудился он для того, чтобы залечить смертельные раны, нанесенные врагом. Учащие и учащиеся своими руками ремонтировали школы, в утлых развалинах открывались ясли и детские дома, на разоренном, черном, как бы перевернутом вверх ногами вокзале точно по волшебству появлялись кипяильники, комнаты матери и ребенка, залы ожиданий и комнаты для раненых».

В редакции «Орловской правды» (размещалась она тогда по улице Сакко и Ванцетти, 36) была создана литературная группа. Один из ее участников, журналист и писатель Евгений Горбов вспоминал: «В Орел приехала группа московских писателей: Феоктист Березовский, Елена Благина и Олег Эрберг. У группы была определенная цель: оживить литературное движение на Орловщине.

...В тесной комнатке промышленного отдела собралось человек пятнадцать. Половину составляли свои, редакционные, другую — активисты. На собрании, конечно, говорили о выявлении новых сил, об учебе, творческом росте и высокой требовательности к себе. Затем выбрали бюро литературной группы...

Елена Благина была родом из Орла и приходилась мне почти землячкой. Я с интересом присматривался к ней. Все в ней было просто, ясно: открытое приветливое лицо, губы, чуть тронутые юморком, бесхитростная русская прическа: прямой пробор и коса, обернутая вокруг головы. Благина выступала сама, часто подавала реплики, и ее слегка певучий, как бы урезонивающий голос всякий раз звучал по-товарищески дружелюбно».

Утром 28 ноября 1943 года Благина была в сквере Танкистов на похоронах героев-комсомольцев Владимира Савинова и Владимира Александрова. В тот же день состоялась встреча с детьми специального детского дома в пригородной Некрасовке. Здесь и родился замысел небольшой поэмы (повести в стихах) «Гармонька» с посвящением воспитаннику Мише Курбатову. Отступая с партизанским отрядом, он заминировал любимую гармонь. Финал поэмы делает читателя непосредственным свидетелем и участником происходящего — он явственно видит, как к одинокой гармонии подходят два фашиста:

Вот совсем, совсем уж близко,
На гармонь легла их тень.
Вот один пригнулся низко,
Вот схватился за ремень.
А-ах! Я сжал у сердца руки.
Трах! Оно во мне зашлось...
Два фашиста, две гадюки,
Два мерзавца взорвалось!
Ох, как сердце замирало,
Как скакал, как прыгал я:
— Ты сыграла,
Ты сыграла,
Напоследок ты сыграла,
Замечательно сыграла,
Голосистая моя!

По пути из Орла в Москву у Благиной сложилось стихотворение «Ненависть», где она по праву жены и сестры фронтовиков обличала ненавистный фашизм:

Пускай бы солнце век не заходило.
Мне все равно! Темно-темно вокруг.
Я в смертный путь тебя не проводила,
Глаз не закрыла, не сложила рук.
Я не надела смертную рубаху,
Кровавый пот не вытерла с чела.
Я твоему замученному праху
Последний путь не отдала!

Как признавалась Благинина в одном из писем, в Москву она «приехала совсем постаревшей, потому что нагляделась всякой скорби, всякого разора». Но, как ни удивительно, эта поездка в Орел закалила ее, дала душевную уверенность, обострила поэтическую зоркость. Благинина писала в стихотворении «Была и буду»:

Ты, война, меня не повалишь,
Я — из ванек-встанек!
Ты мне хлеб сухой жевать велишь,
А я его — как пряник.

Этот гимн жизни заканчивался философской мыслью поэта о своем предназначении:

Потому что жизнь нельзя убить,
Ну никак, хоть тресни!
...Как была я, так и буду быть —
В хлебе, в воде, в песне!
И как серебряные блюда
Под бегом яблок наливных,
Чужие жизни перельются
В мой жадный и горячий стих.

Военные стихи Благиной заслужили признание, хотя сама автор относилась к этим оценкам с изрядной долей иронии. В частности, касаясь «орловского цикла», Благинина писала составителю «Орловского альманаха» Владимиру Ковову в первые послевоенные годы: «Так хвалят, что могу себя вообразить невесть каким поэтом, если немножко потщеславиться».

Благинина приезжала в Орел в 1947 году вместе с матерью Неонилой Михайловной. Посещала родные места и в последующие годы... Видела возрожденный город, много общалась с писателями, юными читателями, с родными. С 85-летием ее поздравила Орловская писательская организация:

«Дорогая Елена Александровна!

Сердечно приветствуем Вас и горячо поздравляем с юбилейным днем рождения! Желаем здоровья и многих лет! Низкий поклон Вам, славная наша землячка, за чистые, звонкие, истинно народные стихи, которые будут жить вечно в русской поэзии.

Спасибо Вам за верность детям, верность родному краю!».

Сборник стихотворений для взрослых у Благиной вышел только один — «Складень» (1973). В нем, а также в посмертном сборнике «Окна в сад» (1996) звучала незабываемая военная тема.

